

А. Пресняков

Княжое право в Древней Руси
Очерки по истории X-XII столетий

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 304
ББК 60.5
А11

А11 **А. Пресняков**
Княжое право в Древней Руси: Очерки по истории X-XII столетий / А. Пресняков – М.: Книга по Требованию, 2012. – 324 с.

ISBN 978-5-458-01171-6

ISBN 978-5-458-01171-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Книга эта состоитъ изъ двухъ очерковъ, связанныхъ единствомъ темы. Первый посвященъ междукняжескимъ отношеніямъ въ домонгольскія времена. Изученіе ихъ шло не въ порядкѣ изложенія этого очерка. Убѣдившись въ невозможности ни выдержать на данныхъ источниковъ представленіе о «нераздѣльно-поочередномъ» княжомъ владѣніи, ни свести характеристику междукняжескихъ отношеній къ «договорному» началу, я сдѣлалъ попытку составить описаніе всѣхъ отраженій этого явленія въ лѣтописномъ матеріалѣ. Получилась картина, осмысленіе которой вело къ началамъ древне-славянскаго семейнаго быта и семейнаго права. Такъ явилась введеніемъ въ первый очеркъ характеристика основныхъ особенностей этого права. Она не претендуетъ ни на какую самостоятельность, а лишь выдвигаетъ тѣ общія и основныя черты, какія существенны для пониманія явленій княжого владѣнія и междукняжескихъ отношеній. Второй очеркъ посвященъ попыткѣ освѣтить то, что я назвалъ общественнымъ положеніемъ князя: особый кругъ отношеній, который служилъ основаніемъ самостоятельнаго положенія князя въ древне-русской землѣ-княженіи. Нѣкоторыхъ вопросовъ внутренняго строя древне-русской земли-княженія мое изложеніе коснулось лишь вскользь, поскольку это представлялось необходимымъ, по связи ихъ съ основной темой, особенно для оцѣнки

историческаго значенія дружины и ея эволюціи въ древней Руси. Стремленіе болѣе полно выяснитъ соотношеніе изучаемыхъ явленій съ общимъ укладомъ древне-русской жизни потребовало бы монографической обработки этихъ вопросовъ и обобщенія ея результатовъ въ общей картинѣ древне-русскаго социально-политическаго строя, что въ настоящее время было бы задачей для меня непосильной и вывело-бы мое изложеніе слишкомъ далеко за намѣченныя рамки. Не скрываю отъ себя тѣхъ крупныхъ недостатковъ, какіе явились слѣдствіемъ указаннаго ограниченія задачи, по необходимости—искусственнаго. Быть можетъ, всего ярче сказались они на вопросѣ о смердахъ, которыхъ рассматриваю, какъ часть населенія, стоящаго подъ особой властью князя, неся въ его пользу особыя повинности, и, въ то же время, оставляю открытымъ вопросъ о границѣ, отдѣляющей эту часть населенія отъ общей массы волостныхъ людей. Дѣло въ томъ, что тутъ передъ нами одинъ изъ сложнѣйшихъ вопросовъ русскихъ древностей, имѣющій свою аналогію въ задачѣ опредѣлитъ соотношеніе «городской» и «опольной» организацій въ древней Польшѣ. Такого рода вопросы--не могутъ быть во всей ихъ глубинѣ трактованы въ работѣ, посвященной, по существу, инымъ темамъ.

Объ группы отношеній, рассмотрѣнныхъ въ моихъ очеркахъ, могутъ и, по крайнему разумѣнію моему, должны быть подведены подъ одно общее понятіе «княжого права», какъ совокупность обычно-правовыхъ нормъ, возникавшихъ внѣ общаго хода правового развитія древне-русскихъ земель-княженій, въ сферѣ дѣятельности княжихъ силъ, независимой отъ общаго уклада народной жизни. Выдвигая это понятіе въ заголовокъ книги, пытаюсь подчеркнуть, съ одной

стороны, тѣсную связь между обоими очерками, а, съ другой, крупное историческое значеніе, какое слѣдуетъ признать за изучаемыми въ нихъ явленіями, которыя, развиваясь въ сферахъ междукняжескихъ владѣльческихъ отношеній и въ области, охваченной дѣйствіемъ особой власти князя надъ группами населенія, состоящими подъ спеціальной княжеской защитой, постепенно разрастаются въ новый—удѣльно-вотчинный—укладъ всего соціально-политическаго строя русскаго.

Не разъ случалось мнѣ—во второмъ очеркѣ—для освѣщенія тѣхъ или иныхъ вопросовъ прибѣгать къ аналогіямъ изъ области западно-европейскаго средне-вѣковья. Но это не дѣлаетъ его сравнительно-историческимъ изслѣдованіемъ: онъ не ставитъ себѣ цѣлью какіе-либо выводы соціологическаго характера. Сравненія и аналогіи въ немъ лишь приѣмъ изложенія, иллюстрація выводовъ и гипотетическихъ допущеній, построенныхъ на русскомъ матеріалѣ.

Крайне сожалею, что не могъ воспользоваться трудомъ А. А. Шахматова: «Разысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ»; когда онъ появился, моя книга почти вся была уже отпечатана. А, между тѣмъ, трудъ этотъ, столь богатый цѣннымъ содержаніемъ, въ рядѣ вопросовъ (напр., о рядѣ Ярослава, о грамотахъ Ярославлихъ и др.) далъ бы мнѣ не мало существенныхъ указаній.

Выпуская въ свѣтъ книгу, суть которой въ попыткѣ возбудить пересмотръ нѣкоторыхъ вопросовъ, основныхъ для исторіи древней Руси, не могу не выразить глубокой признательности учителямъ своимъ, друзьямъ и товарищамъ, которые своимъ интересомъ, вниманіемъ и сочувствіемъ поддерживали и питали стремленіе мое къ научной работѣ и довѣріе къ

возможности вынести въ печать сложившіяся историческія воззрѣнія. Особенно трудно мнѣ оцѣнить въ словахъ то многое, чѣмъ я обязанъ многолѣтнему личному и научному общенію съ глубокоуважаемымъ и дорогимъ учителемъ моимъ С. О. Платоновымъ. Безъ его дружескихъ настояній и эта книга не была бы написана. Кромѣ того, она сложилась въ связи съ моимъ университетскимъ преподаваніемъ, за пріобщеніе къ которому я безконечно обязанъ историко-филологическому факультету Петербургскаго университета, какъ и за то, что онъ пріютить мое «Княжкое право» въ своихъ запискахъ.

Сердечное спасибо Б. А. Романову, оказавшему мнѣ и книгѣ моей незамѣнимую дружескую услугу составленіемъ указателей.

Княжое владѣніе и отношенія между князьями Рюриковичами въ X—XII вв.

I.

Введение: черты древне-славянскаго семейнаго права.

Вопросы древней русской исторіи нельзя назвать стоящими на очереди въ нашей исторіографіи. Давно затихъ вѣкогда преобладавшій интересъ къ проблеммамъ такъ называемаго «Кіевскаго» періода. Но причину такого затишья едва ли можно искать въ томъ, что основныя изъ нихъ признаны рѣшенными. Напротивъ, ближе къ истинѣ будетъ сказать, что наша историческая наука охладѣла къ ихъ изученію, утомленная противорѣчіями и спорами, въ основѣ которыхъ слишкомъ часто чувствовалась недостаточность данныхъ для рѣшенія поставленныхъ широкихъ задачъ. И менѣе догматичная, болѣе критически настроенная, часто скептическая по отношенію къ общимъ построеніямъ, новая историческая литература стала ихъ обходить, отдавая лучшія свои силы другимъ вопросамъ, для работы надъ которыми нашлись обильные матеріалы, вопросамъ позднѣйшихъ періодовъ. А представленія объ основахъ древне-русскаго быта продолжали жить научною жизнью почти исключительно въ общихъ курсахъ, русской ли исторіи или исторіи русскаго права. При такихъ условіяхъ понятно, что въ научно-литературномъ оборотѣ остаются подчасъ рядомъ, непримиренные и не обобщенные, элементы старыхъ разрушенныхъ теорій съ новыми выводами и наблюденіями.

Разсыпанная хранина древне-русской исторіи требуетъ систематическаго пересмотра. Но едва-ли такой пересмотръ можетъ ставить себѣ задачей, подобно знаменитымъ теоріямъ старой классической литературы русской исторіи, найти одно основное начало—родовое, общинное или иное,—чтобы изъ него объяснить всѣ существенныя особенности древняго быта. Съ другой сто-

роны, критическое изучение этих теорій составляет особую задачу, болѣе существенную для исторіи нашей научной мысли въ XIX ст., чѣмъ для разработки исторіи древней Руси. Болѣе целесообразнымъ представляется другой путь; непосредственнаго наблюденія извѣствующихся данныхъ и ихъ обобщенія. путь строго эмпирической.

Однако, въ чистомъ видѣ и онъ едва ли возможенъ: данныя источниковъ для древняго періода столь отрывочны, что простого сопоставленія ихъ часто недостаточно для того, чтобы раскрыть ихъ истинный смыслъ, тѣмъ болѣе, что понять его значить для людей нашего времени — отрѣшиться отъ своихъ привычныхъ понятій и усвоить, по возможности, возрѣнія иной, давно минувшей культурно - исторической эпохи. Вотъ почему трудно согласиться съ мнѣніемъ Н. А. Максимейка ¹⁾ о томъ, что слѣдуетъ «давать только то, что содержали въ себѣ памятники, и толковать добытые результаты самостоятельно, не прибѣгая къ *искусственному* освѣщенію изъ источника теоріи и сравненій», что «идти строго индуктивнымъ путемъ» значить «идти безъ указки предвзятыхъ мыслей и безъ помощи аналогій». Едва ли подобное требованіе выполнимо, да едва ли его выполненіе и желательно. «Самостоятельный» путь Н. А. Максимейка, путь личныхъ размышленій надъ матеріаломъ — не можетъ быть путемъ, свободнымъ отъ предпосылокъ, такъ какъ мысль изслѣдователя не есть *tabula rasa*, а избѣгать сравнительно-историческаго метода — не значить ли относиться съ чрезмѣрнымъ довѣріемъ къ привычнымъ категоріямъ собственной мысли, вмѣсто того, чтобы воспринимать ее на изученіи явленій, родственныхъ съ изучаемыми не только по конкретнымъ чертамъ, но и по принадлежности къ сродному культурно-историческому складу быта? И едва ли существуетъ болѣе безопасный, въ научномъ смыслѣ, путь къ толкованію явленій прошлой жизни, какъ наблюденіе надъ сходными сочетаніями и взаимоотношеніями чертъ быта, нормъ права, элементовъ міровозрѣнія у различныхъ народовъ, жившихъ въ сходныхъ историческихъ условіяхъ.

Нельзя, впрочемъ, отрицать законности опасливаго отношенія къ пользованію историческими аналогіями. Ими часто злоупотребляли, перенося на изучаемое явленіе черты другихъ, признанныхъ аналогичными. Это нерѣдко искажало выводы, компрометируя и

¹⁾ „Сѣмья литовско-русскаго государства“ Хар. 1902; предисловіе.

самый методъ. Указанная опасность одинаково сильна и при сравненіи чертъ исторической жизни различныхъ народовъ и при пользованіи такъ наз. методомъ «пережпваній», напр., при сравнительномъ изученіи древняго права, съ одной, и современнаго обычнаго права, съ другой стороны: легко, идя этими путями, внести въ вырабатываемое представленіе объ изучаемомъ явленіи черты, ему чуждыя, заимствуя ихъ либо изъ чужого быта, либо изъ позднѣйшихъ эпохъ, новообразованія которыхъ ошибочно приняты за архаизмы. Но всѣ эти оговорки ни мало не умаляютъ значенія сравнительнаго метода. Избѣжать возможныхъ ошибокъ можно не устраненіемъ плодотворнаго метода, а осторожностью въ пользованіи имъ.

Съ другой стороны, разочарованіе въ прежнихъ стройныхъ теоріяхъ, вполне законное само по себѣ, не должно вести къ скороспѣлому разрыву научной традиціи. Напротивъ, выдѣленіе изъ завѣщанныхъ имъ результатовъ того, что можетъ и должно быть принято—естественный исходный пунктъ упомянутаго необходимаго пересмотра вопросовъ древне-русской исторіи.

Однимъ изъ такихъ результатовъ, особенно цѣнныхъ для цѣлей моихъ очерковъ, нельзя не признать понятія «задруги» или «семейной общины», выдвинутаго О. П. Леонтовичемъ для объясненія древне-русскаго быта. На понятіи этомъ придется нѣсколько остановиться, не потому, чтобы представлялась возможность сказать о немъ что-либо новое, но потому, что оно, отчасти по винѣ самого создателя задружной теоріи, отчасти по другимъ причинамъ, обросло въ нашей научной литературѣ нѣкоторыми недоразумѣніями; ихъ надо устранить, прежде чѣмъ формулировать то опредѣленіе «задруги», которымъ придется пользоваться въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Несомнѣнную заслугу О. П. Леонтовича составляетъ привлеченіе юго-славянскаго и западно-славянскаго матеріала для выясненія основъ семейнаго быта и гражданскаго права древней Руси. Но мысль его, подъ влияніемъ этихъ цѣнныхъ аналогій, направилась въ иную сторону—къ созданію теоріи, пытавшейся изъ найденнаго «задружнаго» начала объяснить весь складъ древне-русской жизни: «задружный принципъ общей думы, единенія, уговора» оказался лежащимъ «въ основѣ вѣчевыхъ и княжескихъ отношеній» и, такимъ образомъ, перенесенный въ не свойственную ему сферу, не могъ не потерять значительную долю не только своего научнаго значенія, но и своего реальнаго со-

держанія, превращаясь въ растяжимое и мало опредѣленное начало общности, подъ которое подводятся самыя разнохарактерныя явленія. Въ частности, стремленіе объяснить изъ «задруги» происхожденіе территориальныхъ общинъ, образовавшихся будто бы простымъ разростаніемъ «первичной задруги», привело къ неудачному отождествленію съ задругой верви «Русской Правды», поддержанному неслучайнымъ и произвольнымъ переводомъ статей Полицкаго статута, въ которыхъ встрѣчается слово «врвь» ¹⁾).

Съ другой стороны, то же расширеніе понятія «задруги», даваго столь драгоценный ключъ къ пониманію процесса какъ старо-славянской, такъ и позднѣйшей колонизаціи, въ связи съ изученіемъ формъ дворищаго расселенія, хозяйства и землевладѣнія, привело у нѣкоторыхъ изслѣдователей къ преувеличенному подчеркиванію экономической, трудовой основы старой земледѣльческой семьи, затушевавшему различіе «семейной общины» отъ позднѣйшихъ явленій сябровства, складничества, искусственной, договорной семьи и т. п.: кровная связь, лежащая въ основѣ такъ наз. «задружнаго начала», стала представляться второстепенной чертой, чуть не случайнымъ элементомъ стараго семейнаго быта, особенно ввиду социальна-экономическихъ аналогій его съ иными формами земледѣльческаго быта, такъ богато развившимися на русской почвѣ.

Не эти ли черты исторіографическихъ судебъ понятія задруги объясняютъ возникшую противъ него реакцію и отрицаніе? Прѣмѣръ такого отрицанія находимъ въ трудахъ В. И. Сергѣевича. Полемика авторитетнаго историка русскаго права противъ введенія этого понятія въ толкованіе явленій древне-русскаго права немногословна. Легко и мѣтко устранивъ аналогію «задруги» и русской верви ²⁾, В. И. Сергѣевичъ замѣчаетъ: «южно-славянская задруга и сама не древняго происхожденія; она не старѣ XV вѣка», и поясняетъ въ другомъ мѣстѣ ³⁾: «такая семейная

¹⁾ Леонтовичъ: О значеніи верви по Русской Правдѣ и Полицкому статуту, сравнительно съ задругою юго-западныхъ славянъ. Ж. М. П. Пр. 1867 г. т. 134; тутъ Г. И. Леонтовичъ отвлеченное понятіе—врвь од бащине—линій родства по отцу—принялъ за названіе землевладѣльческой общины, заключая изъ тождества названій о тождествѣ явленій на Русь и у Зап. Славянъ.

²⁾ „Лекціи и изслѣдованія“. 3-е изд., стр. 247—249.

³⁾ „Древности русскаго права“ III, стр. 420.

община весьма поздняго происхожденія; ея не было еще въ XIV вѣкѣ; съ южно-славянской задругой случилось то же, что съ русской крестьянской общиной: явленіе новой исторіи перенесли въ сѣдую древность». ссылаясь при этомъ на работу Peisker'a ¹⁾ и на «заслугу правильной постановки этого вопроса и основательнаго его рѣшенія» Стояна Новаковича ²⁾.

Тутъ передъ нами новое недоразумѣніе, давно выясненное польскимъ и чешскимъ критиками Peisker'a ³⁾. Нельзя не согласиться съ отзывомъ В. И. Сергѣевича о превосходномъ трудѣ Новаковича, и тѣмъ болѣе не пожалѣть, что онъ взглянулъ на выводы Новаковича глазами не самого ученаго серба, а г. Пейскера, не сумѣвшаго различить «родовой общины» отъ нераздѣленной семьи, ни понять терминологию Новаковича, который «сельской задругой» называетъ то, что мы зовемъ сельской общиной, нигдѣ не смѣшивая ея, подобно Пейскеру, съ «задругой» въ смыслѣ большой семьи, для обозначенія которой слово «задруга» стало техническимъ терминомъ лишь въ условномъ научномъ употребленіи. Настаивая на томъ, что сербская старина не знала сельской общины, ни, тѣмъ болѣе, сельскаго общиннаго землевладѣнія, Новаковичъ указываетъ, что въ древности реальной бытовой единицей была не эта община, а село иного типа—група «кучь» (огнищъ или дымовъ), считаетъ даже излишнимъ настаивать на «происхожденіи села изъ задруги, расширенной семьи и племени», такъ какъ это «обстоятельство, которое у насъ видно по самымъ именамъ» (патронимическимъ), и не только далекъ отъ фантастической мысли, будто семейная задруга возникла въ XV в. подъ вліяніемъ податной системы, но указываетъ рядъ данныхъ относительно существованія семейныхъ общинъ въ 7—11 мужчинъ, максимумъ 13—16 въ XIV вѣкѣ. Въ «неразрывную связь» съ финансовой системой государства Новаковичъ ставитъ «устойчивость и развитіе» задругъ, а никакъ не

¹⁾ *J. Peisker*. Die serbische zadruga (Zeitschrift für Social-und Wirtschaftsgeschichte, VII, 1900); ср. его же: „Slovo o zadrufe“ Praga, 1899 (въ журналѣ: „Národopisný Sborník českoslovanský“).

²⁾ „Село“ Београд. 1891 („Глас.“ XXIV).

³⁾ *O. Balzer*. O zadrudze slowiańskiej („Kwart. Hist.“, XIII, 2). *K. Kadlec*. K „slovu o zadrufe“ („Narod. Sbor.“, 1900, VI). Ср. *Milan Markovič*. Die serbische Hauskommunion, Leipzig, 1903, и замѣчаніе Бруннера. Deutsche R. G., I², стр. 105, пр. 71.

ихъ происхожденіе ¹⁾, тѣмъ болѣе, что сербскій государственный строй въ эпоху Законника Душана и система властельскаго крупнаго владѣнія не только не были благопріятны задругѣ, но часто открыто дѣйствовали противъ нея, по тѣмъ же мотивамъ, по которымъ и фирманъ 1766 г. направленъ противъ обычая христіанъ жить въ задругѣ, избравъ одно лицо старѣйшиной: «потому что этимъ уменьшаются доходы, которые они платятъ». Какъ правительственная податная система, такъ и феодалыне владѣльцы стремились единицей обложенія платежами и повинностями считать не сложную задругу, и индивидуальную семью (инкоштину), отдѣльный дворъ (кучу), содѣйствуя своимъ давленіемъ разложенію болѣе крупныхъ единицъ сельскаго семейно-общиннаго быта.

Возвръненіе, согласно которому исходнымъ пунктомъ исторіи гражданскаго права славянскихъ народовъ (точнѣе: вообще народовъ арійскаго корня) надо признать семейное право задружнаго типа, можно назвать прочно установленнымъ ²⁾. Какъ бы ни были разнообразны бытовыя судьбы славянской семьи, въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ условій расселенія, колонизаціи и хозяйства, политической и соціальной организаціи; какъ бы съ другой стороны, ни разрѣшился въ наукѣ сложный и спорный вопросъ о происхожденіи этой семьи изъ иныхъ доисторическихъ формъ племеннаго быта,—существенно отчетливо установить основныя черты того семейнаго обычнаго права, которое составляетъ, въ границахъ доступнаго историческому наблюденію прошлаго, древнѣйшій моментъ исторіи славянскаго права. Богшичъ и Кадлецъ исходятъ въ характеристикѣ этого права

¹⁾ *Фр. Буякъ* („*Studia nad osadnictwem Malopolski*“, Rozprawy Kr. Ak. N., т. 47, стр. 381—382), допуская, что Лейскеръ неудачно ссылается на Новаковича, полагаетъ, однако, что его попытка вывести южно-славянскую задругу изъ соединенія 2—3 семействъ въ одну податную единицу можетъ содержать вѣрное историческое наблюденіе, которое находитъ поддержку въ „фактѣ“, что подобное явленіе существовало на русскомъ сѣверѣ въ видѣ „складства“, какъ его толкуетъ В. И. Сергѣевичъ. Но и тяглое происхожденіе складства не фактъ, и весьма спорная теорія. Ср. М. В. Ключкова, Къ вопросу о складникахъ, Жур. Мин. Нар. Пр., 1901 г., т. 338.

²⁾ *Karel Kadlec, Rodinný nedil čili zádruha v právu slovanském. V Praze. 1898.*

Georg Cohn, Gemeinderschaft und Hausgenossenschaft (Zeitschrift für Vergleich. Rechtswissenschaft, XIII, вып. 3, 1899).